

Международное частное право

РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ОТРАСЛЕВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И ПРИМЕНИМОГО ПРАВА

А. Н. О ш е н к о в*

Приток в российскую экономику иностранного капитала, выросший за последние годы, все больше заставляет обращать внимание специалистов-практиков и ученых-юристов на проблемы правового регулирования иностранных инвестиций.

Действительно, нормативная база для осуществления импорта иностранного капитала в Россию пока что оставляет желать лучшего. Основным нормативно-правовым актом в указанной сфере является Закон РСФСР "Об иностранных инвестициях в РСФСР" от 4 июля 1991 года с изменениями от 24 декабря 1993 года. Естественно, что этот Закон уже не отвечает потребностям, порождаемым современными отношениями в области иностранных инвестиций. В связи с этим понятен тот резонанс, который получили в последнее время в юридической литературе проблемы правового регулирования иностранных инвестиций. Одна из таких проблем заключается в том, что под прямыми инвестициями чаще всего принято понимать вложения иностранного капитала в создание совместных предприятий. Прочие договорные формы осуществления иностранных инвестиций, хотя и декларировались Законом "Об иностранных инвестициях в РСФСР", все же практической разработке не подвергались. Между тем, не всякий иностранный инвестор может позволить себе риск создания предприятия, которое будет являться российским юридическим лицом (ст. 13 Закона "Об иностранных инвестициях в РСФСР"), по вполне понятным причинам. К тому же некоторые виды деятельности, открытые для иностранных капиталовложений, целесообразней осуществлять без создания юридического лица на территории РФ, например, посредством создания представительства иностранной фирмы или путем заключения инвестиционных соглашений (контрактов). Именно о последних,

* Стажер Института государства и права РАН.

как об одной из возможных форм привлечения иностранных инвестиций, и пойдет речь ниже.

Почему именно инвестиционные соглашения привлекают наше внимание? Если ранее в отечественной юридической литературе этот вопрос и получал некоторое освещение, практического значения он не имел. В настоящее время эта проблема стала актуальной, что в первую очередь связано с необходимостью восполнения пробелов в действующем инвестиционном законодательстве РФ. Понятно, что основные положения, которые будут заложены в нормативные акты, призванные регламентировать отношения с иностранными инвесторами, во многом будут зависеть от существующих доктринальных подходов к иностранным инвестициям вообще и к инвестиционным соглашениям в частности. Вторая причина актуализации вопроса об инвестиционных контрактах вызвана тем, что они являются довольно привлекательной для зарубежных вкладчиков формой инвестирования. И, наконец, третья причина заключается в том, что государство, принимающее инвестиции, заинтересовано в их привлечении прежде всего в конкретные отрасли, которые не могут развиваться на основе национального потенциала. Россия, как известно, обладает большими запасами природных ресурсов, разработка и добыча которых зачастую не под силу ни государству, ни отечественным предпринимателям, ввиду чего необходимо привлечение капиталовложений извне. Как показала мировая практика, наиболее эффективной и обоюдовыгодной формой осуществления иностранных инвестиций в сферу разработки и добычи минерального сырья является заключение инвестиционных соглашений.

Все это послужило стимулом к возобновлению в отечественной юридической литературе дискуссии о правовой природе инвестиционных соглашений.¹ Однако, теперь этот вопрос имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

По сей день в юридической науке нет единого мнения относительно того, считать ли инвестиционные соглашения актами административного характера или же относить их к категории гражданско-правовых договоров. Дело в том, что придание инвестиционным контрактам административного характера является более выгодным для государства- реципиента. С другой стороны, если рассматривать инвестиционные соглашения как гражданско-правовые договоры, это побудит иностранных инвесторов к их заключению, поскольку в этом случае в основу таких соглашений будут заложены принципы гражданского права, в том числе и принцип равенства сторон, т. е. государство будет ответственно перед частным инвестором в той же степени, в какой последний отвечает перед государством.

В советской юридической литературе высказывалось много доводов, как в пользу административного характера инвестиционных контрактов, так и в пользу их частноправовой, цивилистической трактовки. Так, профессор В. П. Мозолин, выделил три вида инвестиционных соглашений: акты об одобрении (Instruments of Approval), концессионные договоры (Concession Contracts) и соглашения о гарантиях (Guarantee Agreements).² При этом, по мнению В. П. Мозолина, существенной разницы между ними нет, за исключением того, что в актах об одобрении права и обязанности иностранного инвестора определяются в

соответствии с инвестиционным законодательством государства-импортера капитала, документы же в форме концессионного договора и соглашения о гарантиях обычно *выдаются* инвесторам, когда соответствующее государство или вообще не имеет инвестиционного законодательства или когда правовое положение иностранного инвестора не может быть определено на основании имеющегося закона об инвестициях.³ Как считает В. П. Мозолин, подобная индивидуализация и создает иллюзию договорных отношений, из которой вытекает ложный вывод о частноправовой природе инвестиционных соглашений. По мнению автора монографии “Право США и экспансия американских корпораций” в указанных случаях правовой базы для выдачи документов являются не конкретные нормы инвестиционных законов, “а бланкетные полномочия, заранее предоставляемые государствами своим правительственным органам, или же постановления индивидуального характера, принимаемые высшими органами государств по конкретным иностранным инвестициям”.⁴

Приведенную точку зрения разделяет и профессор М. И. Кулагин, не соглашаясь, однако, с полным отрицанием договорного характера инвестиционных соглашений. В своей статье “Правовая природа инвестиционных соглашений, заключенных развивающимися странами” М. И. Кулагин определяет инвестиционное соглашение как “договор между частным вкладчиком и государством, в котором определяются условия допуска и функционирования частного инвестора в данной стране, взаимные права и обязанности вкладчика капитала и государства”.⁵ “Полностью разделяя и поддерживая административно-правовую трактовку природы инвестиционных соглашений, — пишет М. И. Кулагин, — нельзя согласиться с В. П. Мозолиным, когда он сводит административные акты лишь к одной их форме — административным сделкам, и даже противопоставляет административные документы договорным. Ошибочно сравнивать качественно разнородные понятия — содержание договора и его форму. Это неверное суждение приводит автора к неоправданному отрицанию договорного характера соглашений о гарантиях концессионных договоров”.⁶

Данный вывод имеет под собой реальную основу, в качестве примера административных договоров М. И. Кулагин приводит институты правовых систем Франции, Англии, США.

Что же представляет собой административный договор? Судебная практика Франции выделяет два критерия таких договоров: “цель публичной службы” и “условия договора, выходящие за рамки общего права”. Первый критерий не вызывает особых вопросов, поскольку он подразумевает договоры, по которым частное лицо обеспечивает осуществление каких-либо административных функций. Второй же требует некоторого уточнения. “условия, выходящие за рамки общего права” представляют собой пункты договора, которые предусматривают права и обязанности сторон, принятие которых не зависит от свободного волеизъявления сторон. Так выходят за рамки общего права условия, именуемые “наказующими”, предусматривающие право одностороннего расторжения и изменения условий исполнения договора административным органом.⁷

В правовых системах англо-американской правовой семьи нет столь детализированного понятия административного контракта, как во

французском праве. Но в США, например, существует особая форма подобных договоров — правительственные контракты.⁸

Конечно, отнесение инвестиционных соглашений к категории административных контрактов весьма выгодно для государств, принимающих иностранный капитал. Однако данный подход нежелателен для инвесторов.

Существование в национальных правовых системах указанных институтов, безусловно, делает более убедительной точку зрения сторонников административно-правовой концепции инвестиционных соглашений. Это, однако, не помешало высказыванию в юридической литературе доводов в пользу цивилистической концепции, наиболее обоснованной в работах Л. А. Лунца и Н. Н. Вознесенской.

Впервые инвестиционные соглашения были отнесены к гражданско-правовым договорам Л. А. Лунцем. Возражая зарубежным авторам, приравнивавшим инвестиционные контракты к межгосударственным соглашениям⁹, он писал: “Доктрина, по которой соглашение между частным лицом, иностранной компанией и государством выводится из сферы гражданского права и переносится в область международного публичного права, имеет своей предпосылкой тезис о возможности для частно правовой организации и для отдельного физического лица быть субъектом международно-правовых отношений — тезис, стоящий в прямом противоречии с принципом государственного суверенитета”.¹⁰

Таким образом, Л. А. Лунц однозначно отнес инвестиционные соглашения к гражданско-правовым договорам. В дальнейшем эта точка зрения была детализирована в работах Н. Н. Вознесенской.¹¹ Как известно, государство может выступать субъектом гражданско-правовых отношений, содержащих иностранный элемент, сохраняя при этом ряд специфических особенностей, порожденных наличием у него суверенитета. По мнению Н. Н. Вознесенской, данное положение можно распространить и на инвестиционные соглашения. При этом властные полномочия государства, например, возможность расторгнуть договор в одностороннем порядке, как считает Н. Н. Вознесенская, не противоречат частноправовой природе данных отношений. Выступая как субъект гражданского права, государство не проявляет своих “функций властвования в целях соблюдения единства и нормализации торгового оборота, хотя оно может это сделать, национализировав, например не принадлежащую ему долю в смешанной компании”.¹² Как бы отвечая на тот довод, что гражданско-правовые отношения предполагают равенство их участников, а государство и частое лицо не могут быть равны не фактически, ни юридически, Н. Н. Вознесенская пишет: “При таких субъектах, какими являются с одной стороны государство, с другой стороны частная фирма, равенство возможно в том смысле, если государство устанавливает для себя определенные рамки применительно к данным взаимоотношениям. ...Если же возникнет вопрос, который выходит за установленные гражданско-правовые рамки, он разрешается государством, но уже не как стороной в договоре, а как органом властвования”.¹³

Не соглашаясь с цивилистической концепцией, М. И. Кулагин привел следующий контраргумент: “Основным содержанием инвестиционных соглашений в части обязанностей государства, заключается в предоставлении государством иностранному вкладчику дополнительных гарантий (от национализации, свободного перевода за границу

прибылей и репатриации капитала), а также дополнительных льгот (налоговых, таможенных и др.). Нередко государство гарантирует вкладчику стабильность инвестиционного режима. Все эти права и льготы являются публично-правовыми, а гражданский договор не может заключаться по поводу публичных прав”.¹⁴ Позволим себе не согласиться с приведенным выше доводом. Инвестиционные соглашения заключают как государства, имеющие специальное инвестиционное законодательство, так и строящие свои отношения с иностранными инвесторами на индивидуальной основе. Последние, как правило, закладывают в условия контракта определенные гарантии публично-правового характера в качестве своих обязательств перед иностранным инвестором. В случаях же, когда национальным инвестиционным законодательством предусмотрены все правовые гарантии, и каждый конкретный случай не требует применения специальных норм, например введения особого режима, мы имеем дело с договорами, заключаемыми по поводу гражданских прав и обязанностей. Иначе говоря, когда гарантии публичного характера предоставляются государством не в самом инвестиционном соглашении, а действующим инвестиционным законодательством, мы можем говорить о гражданско-правовой природе таких соглашений, ведь тот, например, факт, что источниками международного частного права являются международные договоры, не позволяет нам усомниться в цивилистическом характере отношений регулируемых международным частным правом.

Наглядным примером сказанного может служить то, что те же концессионные договоры, изначально рассматривавшиеся как административные контракты, в последнее время вобрали в себя много гражданско-правовых элементов.¹⁵

С учетом современных тенденций многие ученые-юристы склонны рассматривать инвестиционное соглашение как особый, “смешанный” тип договора, являющийся институтом международного частного права. В связи с этим небезынтересно было бы привести здесь еще одну точку зрения относительно правовой природы инвестиционных контрактов. Автор книги “Инвестиционное право” А. Г. Богатырев, соглашаясь с тем, что в инвестиционном соглашении присутствуют как публичные, так и частноправовые начала, признает его “промежуточным” институтом.¹⁶ Говоря о международном характере, присущем инвестиционным соглашениям, А. Г. Богатырев, по-видимому, имеет в виду то, что инвестиционные отношения регулируются не только внутренним национальным законодательством, но также и различными межгосударственными договорами. В этом случае становится понятным его вывод о том, что приравнение инвестиционного контракта “к национальным и международным правовым институтам происходит от недооценки роли и значения современного международного частного права и непонимания его сущности и положения между национальным и международным правом, в то же время являющегося составной и неотъемлемой частью того и другого”. Более того, А. Г. Богатырев прямо называет инвестиционные соглашения институтом международного частного права, который является “средством конкретизации и индивидуализации норм национального и международного права по регулированию инвестиционных отношений с иностранным элементом”.¹⁷ В пользу отнесения к международному частному праву говорит также следующая

выдержка из указанной работы: “Помимо национального права страны-реципиента и норм международных договоров инвестиционный контракт *обязательно должен учитывать также и положения национального права иностранного инвестора*”. (курсив мой — А. О.) По существу, А. Г. Богатырев считает возможным применение института автономии воли сторон путем подчинения инвестиционного соглашения полностью (или частично) тому или иному правопорядку. Эта возможность, в свою очередь, говорит о том, что обязательства, содержащиеся в этих соглашениях, могут регулироваться не только материально-правовыми, но коллизионными нормами, ведь если мы относим инвестиционный контракт к разряду внешнеэкономических сделок, то на него будут распространяться все нормы действующего законодательства, в т.ч. и коллизионные, регламентирующие данный институт международного частного права. В этом случае, к вытекающим из инвестиционного соглашения обязательствам гражданско-правового характера должна применяться норма, содержащаяся в п. 5 ст. 166 Основ гражданского законодательства: “К правам и обязанностям по договорам, не перечисленным в пунктах 1—4 настоящей статьи, применяется право страны, где учреждена, имеет место жительства или основное место деятельности сторона, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания такого договора”.

Таким образом, говоря о правовой природе инвестиционных соглашений, мы уже сталкиваемся с проблемами практического характера: применять или не применять к рассматриваемым отношениям коллизионные нормы? Ответ на этот вопрос необходимо искать в действующем российском законодательстве, содержащем нормы, посвященные инвестиционным соглашениям.

Возможность осуществления иностранных инвестиций посредством заключения инвестиционных контрактов предусматривается Законом РСФСР “Об иностранных инвестициях в РСФСР” от 4 июля 1991 года.¹⁸ В ст. 40 этого Закона говорится, что предоставление иностранным инвесторам прав на разработку природных ресурсов и проведение хозяйственной деятельности, связанной с использованием объектов, находящихся в государственной собственности, осуществляются на основании концессионных договоров. При этом правом заключения подобных договоров наделяются Совет Министров РСФСР или иные, уполномоченные на то государственные органы, а порядок их заключения устанавливается законодательством РСФСР о концессиях.

Можно сказать, что в основу указанного Закона легла традиционная модель инвестиционного соглашения, заключаемого между иностранным инвестором и государством, на основании действующего в принимающей стране внутреннего инвестиционного законодательства. Важно отметить наличие в законе следующей нормы: “Одностороннее изменение условий концессионного договора не допускается, если иное не оговорено в договоре” (ч. 3. ст. 40). данная формула является характерной для гражданско-правовых договоров. наличие такой нормы резко отграничивает концессионный договор от классического административного контракта, который может быть расторгнут государственным органом в одностороннем порядке.

Кроме того, ч. 4 ст. 40 Закона “Об иностранных инвестициях в

РСФСР" гласит: "Концессионные договоры могут содержать изъятия из действующего на территории РСФСР законодательства. В этом случае они подлежат утверждению Верховным Советом РСФСР". То, что законодатель устанавливает особый порядок утверждения договоров, содержащих изъятия из действующего законодательства, позволяет нам сделать следующий вывод: в случаях, когда концессионный договор не содержит изъятий, и гарантии публично-правового характера, предоставляемые государством иностранному инвестору, вытекают из содержания действующего законодательства, мы имеем дело с гражданско-правовыми отношениями, в которых государство выступает в качестве обычного контрагента. В то же время особый порядок утверждения договоров, содержащих изъятия из действующего законодательства по сути приравняет концессионный договор к законодательному акту.

Итак, мы не можем однозначно назвать концессию разновидностью гражданско-правового договора. Тем не менее в условиях российской экономики иностранным инвесторам более выгодно строить свои отношения с государством не на лицензионной системе, предусмотренной действующим законодательством о природопользовании, а в форме концессионных договоров, основанных в большей степени на гражданско-правовой базе. Такой вывод нам позволяет сделать, в частности, проект Закона РФ "О концессионных и иных договорах с иностранными инвесторами". Данный законопроект определяет концессионный договор как соглашение, в соответствии с которым государство на возмездной и срочной основе предоставляет иностранному инвестору исключительное право на осуществление деятельности, предусмотренной в Законе, а также право собственности на произведенную в результате такой деятельности продукцию и полученные доходы. Главной отличительной чертой концессионного договора является то, что одной из его сторон всегда является государство, а предметом может быть только деятельность, связанная с использованием объектов государственной собственности. Именно последнее обстоятельство дает некоторым ученым основание утверждать, что государство в концессионных отношениях приобретает некий дуалистический характер, заключая договор в качестве субъекта гражданского права и одновременно в роли властного органа, уступая свои исключительные права иностранному инвестору, путем выдачи ему лицензии. Однако мы можем возразить, что уступка собственником (хотя бы и государством) своих прав другому лицу происходит в рамках гражданского права.

Нам представляется возможным изменить существующее положение, предусмотрев в законодательстве гарантии иностранным концессионерам и условия их деятельности. При этом в договоре будут предусматриваться конкретные (гражданские) права и обязанности сторон. В случаях же, требующих изъятий из действующего законодательства, их действительно было бы целесообразно оформлять путем издания одностороннего акта соответствующего государственного органа.

Как уже говорилось выше, изначально концессия понималась не столько как договор, сколько как административный акт. С включением в концессионные договоры условий имущественного характера возникла проблема различения концессионных договоров. Тогда в мировой практике и появились так называемые соглашения о разделе продукции

(production sharing agreements), призванные регулировать имущественные отношения между государством-рецепиентом и иностранным инвестором. В зарубежной юридической литературе соглашение о разделе продукции (далее “СРП”) рассматривается как классический договор подряда.¹⁹ т. е. как форма, опосредующая отношения, которые выходят за рамки лицензионных или классических концессионных отношений.

В российском законодательстве СРП впервые предусмотрены Законом РФ “О недрах” 1992 г. как форма отношений между государством и частным инвестором в сфере недропользования. Из смысла этого Закона следует, что СРП является приложением к лицензии, выдаваемой государством на пользование участком недр, и определяет условия этого пользования.

Указ Президента РФ от 24 декабря 1994 г. № 2285 “Вопросы соглашений о разделе продукции при пользовании недрами” не изменил административной природы рассматриваемых отношений.²⁰ (далее Закон “О СРП”) также не внес полной ясности в вопрос об отраслевой принадлежности этих соглашений. С одной стороны, отношения, перечисленные в п. 3 ст. 1 Закона “О СРП”, подлежащие урегулированию в соответствии с СРП и самим Законом, по сути своей, являются гражданско-правовыми. И все же в Законе прямо не сказано, что СРП являются разновидностью гражданско-правовых договоров. Более того, тот же п. 3 ст. 1 Закона гласит: “Права и обязанности сторон соглашения о разделе продукции, *имеющие гражданско-правовой характер*, определяются в соответствии с настоящим Федеральным Законом и гражданским законодательством РФ”. Это значит, что законодатель презумирует возможность включения в СРП условий публично-правового характера.²² Помимо того, закон “О СРП” сохраняет лицензию как документ, удостоверяющий право пользования недрами, хотя в п. 1 ст. 4 и предусмотрено, что право пользования недрами предоставляется на основе самого соглашения. По мнению Н. Н. Вознесенской, поскольку Законом “О СРП” предоставляется исключительное право на поиск и добычу минерального сырья, то лицензия, выдаваемая на их освоение, носит удостоверяющий характер, являясь, по сути, регистрационным, а не правоустанавливающим документом”²³

С таким подходом трудно не согласиться, и тогда возникает вопрос почему законодатель сохранил выдачу лицензий для СРП?

Несмотря на некоторое несовершенство “О СРП” в смысле разрешения вопроса о правовой природе соглашений, многие его положения говорят в пользу цивилистического характера СРП. Так, например, п. 1 ст. 20 Закона гласит: “Стороны несут ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по соглашению в соответствии с условиями соглашения с соблюдением гражданского законодательства Российской Федерации”. Интерес в рассматриваемом контексте представляет также норма, содержащаяся в ст. 22 Закона, предусматривающая возможность альтернативной подсудности споров, возникающих из СРП. Кроме того, ст. 3 Закона вобрала в себя важное положение международного частного права, предусмотрев возможность отказа государства от иммунитета в соглашениях, заключаемых с иностранными инвесторами.

Являются ли названные положения достаточными для признания СРП разновидностью гражданско-правового договора? Если да, то

возможно ли распространение на него норм, применяемых к внешнеэкономическим сделкам, когда стороной соглашения является иностранное лицо? Как уже говорилось выше, применение к инвестиционным соглашениям норм и, в частности, п. 5 ст. 166 Основ породило бы коллизии между правовой системой страны-реципиента и национальным правом иностранного инвестора.

Действительно, в настоящее время многие специалисты склоняются к мнению о том, что СРП по российскому законодательству имеют цивилистическую природу. Однако есть и другие мнения. так, например, Н.Г. Доронина считает, что признание СРП гражданско-правовым договором ухудшает положение частного инвестора, поскольку оно лишит инвестора особых гарантий, которые сформулированы в законодательстве об иностранных инвестициях.²⁴ Судя по всему, Н. Г. Доронина имеет в виду то обстоятельство, что государство, уравнивая себя с частным лицом, лишается властных полномочий, позволяющих ему предоставлять иностранным инвесторам гарантии публично-правового характера.

Наличие определенного плюрализма мнений говорит о том, что пока еще рано однозначно решать вопросы, подобные рассматриваемому, как минимум по двум причинам: 1) недостаточность практики заключения инвестиционных соглашений; 2) пробелы в инвестиционном законодательстве. Последнее, по нашему мнению, являются серьезным препятствием для определения правовой природы инвестиционных соглашений, поскольку данный институт нельзя рассматривать в отрыве от инвестиционных отношений в целом.

Мы считаем, что на данный момент анализ действующего законодательства не позволяет нам отнести ни СРП, ни инвестиционные соглашения в целом к частноправовому массиву. Безусловно, что в решении данного вопроса нельзя быть чрезмерно радикальным, отставив ту или иную точку зрения. По нашему мнению для регулирования инвестиционных соглашений государство должно создать нормативную базу, сочетающую в себе различные методы правового регулирования и учитывающую как интересы государства, так и иностранного инвестора

Важную роль в определении правовой природы как инвестиционных контрактов, так и иностранных инвестиций вообще может сыграть принятие некоторых законов. Первостепенными в этом смысле, на наш взгляд, являются новый Закон "Об иностранных инвестициях в Российской Федерации", а также раздел VII части 3 Гражданского кодекса РФ, посвященный международному частному праву. Первый из этих актов был принят Государственной думой 15 июля 1998 г., но отклонен президентом РФ. Интересно отметить, что в данном Законе инвестиционные соглашения не называются как отдельная форма осуществления иностранных инвестиций, по-видимому, законодатель имеет в виду принятие в будущем специального законодательства о концессионных и иных договорах с иностранными инвесторами. Что же касается проекта раздела VII части 3 ГК РФ, мы считаем целесообразным включение в него норм, которые создавали бы условия для адекватного коллизионного регулирования отношений с участием иностранных инвесторов. Пока же вопрос об отраслевой принадлежности иностранных инвестиций как предмета правового регулирования остается открытым.

¹ Правовое регулирование иностранных инвестиций в Россию М.: Институт государства и права РАН. 1995 г. — С. 211.2 *Созолин В. П.* Право США и экспансия американских корпораций. М., 1974 г. с. 98

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ *Кулагин М. И.* Правовая природа инвестиционных соглашений, заключенных развивающимися странами//В кн.: Политические и правовые системы стран Азии, Африки и Латинской Америки. М., 1975 г. с. 40—53

⁶ Там же.

⁷ *Ведель Ж.* Административное право Франции. М., 1973 г. с. 164—185.

⁸ *Нарышкина Р. Л.* США: государство и частный сектор: Гражданско-правовые отношения. М., 1976 г. с. 6—26

⁹ Приверженцы указанной точки зрения считали, что государство должно нести международную ответственность за нарушение условий инвестиционного контракта, а также в тех случаях, когда внутреннее национальное право не соответствует минимальны требованиям международного стандарта. Подробнее см.: *Nwogugu E.* The Legal Problems of Foreign Investment in Developing Countries. Manchester. 1965. P. 40; *Sharsenberger G.* Foreign Investment and International Law.

¹⁰ *Луниц Л. А.* Международное частное право (особенная часть) М., 1969 г., с. 59.

¹¹ *Вознесенская Н. Н.* Иностранные инвестиции и смешанные предприятия в странах Африки. М., 1975 г., с. 47—82

¹² *Вознесенская Н. Н.* Указ. Соч. с. 55-57

¹³ Там же

¹⁴ *Кулагин М. И.* Указ. Соч. с. 52

¹⁵ *Сосна С. А.* Концессионные договоры с иностранными инвесторами.//В кн.: Правовое регулирование иностранных инвестиций в России. М., 1995. с. 66—76

¹⁶ *Богатырев А. Г.* Инвестиционное право. М., 1992. С. 67—81

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ведомости съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР — 1991 № 29 ст. 1008

¹⁹ *Махлина М. И.* Соглашения о разделе продукции с иностранными инвесторами.//В кн.: Правовое регулирование иностранных инвестиций России. М., 1995 г. с. 76—85

²⁰ Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации — 1994 г. № 1 ст. 3.

²¹ Собрание законодательства Российской Федерации — 1996 — № 1 ст. 18

²² *Сосна С. А.* Комментарий к Федеральному закону “О соглашениях о разделе продукции”. М., 1997 г. с. 54

²³ *Вознесенская Н. Н.* Соглашения о разделе продукции в сфере нефтедобычи. М., 1997 г. с. 54

²⁴ *Доронина Н. Г.* К вопросу о правовой природе концессионных соглашений.//Право и экономика. № 1. 1997. с. 47—55

Статья получена в редакции в июле 1999 г.